

Борис БУРЛЕ

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ

Воспоминания бывших узников нацизма
Афульской городской организации
Всеизраильской Ассоциации
«Уцелевшие в концлагерях и гетто»

Израиль, 2014

Борис БУРЛЕ

ГОРЬКАЯ ПАМЯТЬ

Воспоминания бывших узников нацизма
Афульской городской организации
Всеизральской Ассоциации
«Уцелевшие в концлагерях и гетто»

Израиль, 2014

© Copyright 2014 by Boris Burle

Издательство **INTERPRESS ISRAEL**

Редактор – **Борис БУРЛЕ**

Набор и графика – **Мария КОПЫЛОВА**

Компьютерная поддержка – **Итай ХАМЕР**

Издательский проект

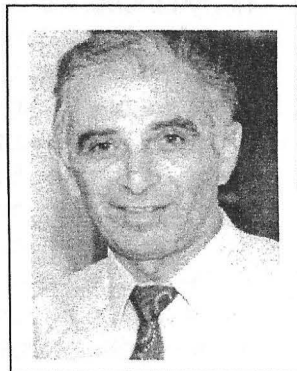
«ВОЙНА, ХОЛОКОСТ, ВОЗРОЖДЕНИЕ».

Руководитель проекта **Борис БУРЛЕ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИСКРЕННО, ТРОГАТЕЛЬНО, УБЕДИТЕЛЬНО!

Эта, небольшая книга — воспоминаний, интервью, информационных подборок членов Афульской городской организации Всеизральской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» никого не оставит равнодушным. Необычно сложилась судьба каждого из авторов рассказов, опубликованных в ней.

Я знаком со многими афульчанами — бывшими узниками нацизма. Часто встречаюсь со своими друзьями-соратниками по общественному движению, принимаю участие в мероприятиях, которые всегда проходят у них интересно, на высоком организационном уровне.

С горечью вижу, что с каждым годом их становится всё меньше и меньше. Уходят из жизни люди, чудом уцелевшие в концлагерях и гетто, детство которых прошло за колючей проволокой. И поэтому, представленные в этой книге воспоминания, имеют особую историческую ценность. Ведь на глазах у каждого фашисты убивали родных и близких. Нелегко возвращаться в прошлое, ещё и ещё раз ворошить не заживающие раны. Но во имя будущего, они поставили цель: рассказать о трагедии, случившейся с ними.

Есть объяснение тому, что количество текста не у всех одинаково. Ведь прошли десятилетия, многое стёрлось из памяти. Понимая ответственность перед своими читателями, бывшие узники нацизма выверяют каждое

слово, строку, цифру и факт, чтобы донести будущему поколению только правду о большой трагедии нашего народа во время Холокоста.

Воспоминания последних живых свидетелей Катастрофы вызывают глубокое уважение. Вдумайтесь в их рассказы, и вы убедитесь в том, что это истории борьбы за жизнь, а не страха перед смертью. В этой книге всё получилось: искренне, трогательно, убедительно.

Афульская организация бывших узников нацизма — одна из самых больших во Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто». Городской комитет, который уже много лет возглавляет бывший узник Обо-довского гетто (Винницкая область) Михаил Найдер, может гордиться своими достижениями. Здесь постоянно заботятся о её членах — людях, которые в годы жестокой войны пережили потерю родных и близких, унижения и болезни, а впоследствии на себе испытали в бывшем Советском Союзе государственный антисемитизм и политику многолетнего замалчивания трагедии Холокоста.

Публикации завершающего раздела свидетельствуют, что бывшие узники нацизма, живущие сегодня в Афуле, прилагают все силы, знания и приобретённый опыт для сохранения памяти о жертвах Катастрофы и борцах еврейского сопротивления. Как видно из текстов, они успешно сотрудничают с общественными организациями в стране и за рубежом; с эвакуированными и беженцами, а также с теми, кто помогал евреям выжить во время оккупации, противостоять проявлениям антисемитизма и неонацизма.

Жизненные истории людей, выживших в гетто и лагерях смерти, свидетельство о примере мужества, стойкости, жизнелюбия и человечности для всех граждан нашей страны.

Борис БУРЛЕ,
заместитель председателя Всеизраильской
Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто».

Аденберг (Шнирман) Лидия

Неожиданно и вероломно началась Великая Отечественная война. Моего отца – Шнирмана Абрама, в первые же дни фашистского нашествия призвали в армию, и он погиб на фронте.

Во время оккупации я с мамой – Кияновской Рахель, и братом Михаилом, находилась в гетто в городе Могилёв-Подольский Винницкой области. К началу этого кошмарного периода жизни мне исполнилось тринадцать лет.

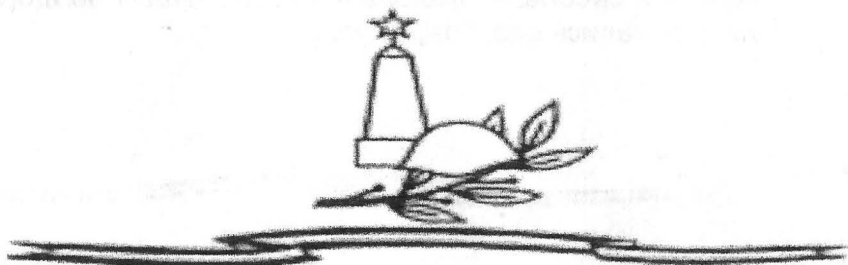
Мама мне показывала дом, в котором мы жили до оккупации. Улицу я помню: Пушкинская.

Окупировав город, немцы организовали еврейское гетто. Нас поселили в полуразваленной военной казарме. В длинных бараках каждая семья имела свои нары. Не хватало еды, воды и лекарства.

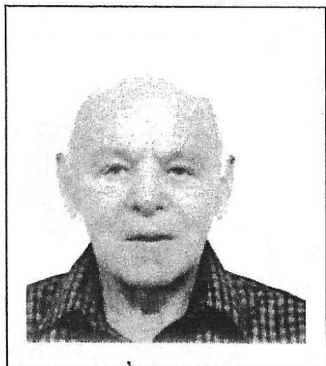
Весной я заболела тифом. Эпидемия свирепствовала долго. Много людей умерло. Трупы сразу не вывозили, а складывали в кучу, где они разлагались...

Свершилось чудо – мы с мамой и братом остались живы. Весной 1944-го Красная Армия нас освободила.

В 1997 году я со своей семьёй репатриировалась в Израиль.

Аденберг Семён

В июле 1941 года в город Могилёв-Подольский, где жила наша семья, вошли оккупанты. Мне уже было четырнадцать лет, и я хорошо всё помню.

В первые же дни нашествия немцы согнали евреев в гетто, которое было огорожено колючей проволокой. В это ограниченное пространство (несколько улиц) попали и мы: мама Ида,

папа Арон, сестра Фрида, дедушка Иосиф и я. Почти одновременно фашисты с помощью местных полицейав отравили в концлагерь десятки еврейских семей.

Облавы проводились всё чаще и чаще. Во время одной из них, нас – несколько мальчишек, поймали и повели на работу на какой-то склад запчастей, где мы сортировали отдельные детали и складывали их в ящики. Так продолжалось около двух недель. Кормили нас похлёбкой из лынты (корм для лошадей) и пайкой хлеба, которую мы покрывали смазкой, снятой с деталей.

Затем почти два года работал в литейном цехе чугуно-литейного завода. Приходилось вручную загружать печь для плавки и разливать её по формам.

Весной 1942 года, во время одной из акций, меня вместе с другими евреями привели в местный госпиталь, где нам сделали инъекции, в результате которых родители и я заболели брюшным тифом. Чудом выздоровели. Дождались освобождения.

Альтмарк Бэла

В семье Полонских – Хона и Эни я была третьим ребёнком. Моим братьям соответственно было шестнадцать и восемь лет, а я родилась за две недели до того, как оккупанты захватили наш родной город Тульчин.

В октябре 1941 года фашисты согнали евреев в село Печора, где устроили гетто. Однажды они вывели всех на плац - женщин с детьми с одной стороны, мужчин – с другой. Восьмилетний Изя начал перебегать от отца к матери, и немец из-за этого застрелил его. Затем мужчин увезли из лагеря, как будто на работу, но больше их никто не видел.

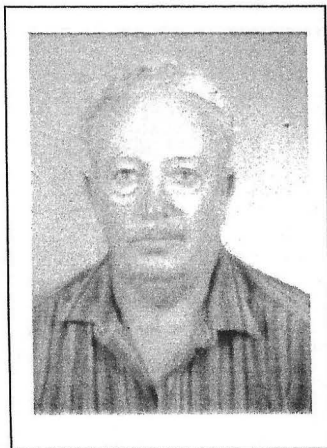
Мать сильно болела и умерла, не выдержав голода и страданий. Из всей семьи и близких родственников из лагеря вышли только старший брат Борис и я. Наш дом был сожжён, мы жили с вдовой папиного брата и её тремя детьми.

В 1946 году меня удочерил двоюродный брат отца, Запомнилось, когда приехали в Артёмовск и зашли в квартиру, я увидела женщину, а на столе белый хлеб. Дядя сказал: «Это твоя мама». Я сразу поверила и с радостью осталась там жить.

Повзрослев, уже учась в школе, я поняла, что приютившие меня люди, не родители. Часто гуляя в городе, я надеялась, что вдруг окликнет родная мама. Но мечта не осуществилась. Вот что сделала проклятая война.

Берко Сигман

Перед войной наша семья жила в маленьком городке Радул Прут (Румыния). Мы, как и живущие в нём евреи, соблюдали все традиции – ходили в синагогу, встречали шабат, отмечали праздники.

Когда началась война, мне было четыре года. Еврейская жизнь с ее красивыми традициями прекратилась. Вскоре нас отправили в гетто «Шаар Галут» на Украине. В каждой комнате жили по сорок человек. Зимой было очень холодно. Дыры в стенах затыкали тряпками, чтобы не попадал снег.

Я с мамой работал у фермеров, просили милостыню. Когда полицаи нас ловили, били по рукам и ногам. Мы часто болели. Моя средняя сестра умерла в четырнадцать лет.

...После войны мы хотели вернуться обратно в наш город, но не смогли. Я понял, что надо ехать в Израиль. Для осуществления задуманного, переехал из Румынии в Будапешт (Венгрия), а потом в Италию, и уже оттуда в Израиль.

04.12.1958 я прибыл в Гиват-а-Мора. Мне был 21 год. Здесь я встретил Сару, родители которой также пережили Катастрофу. У нас родились дети, есть внуки. Мы счастливы, что живём в Израиле.

Бейдер Люся

Началась война, и отец ушёл на фронт. Мы с мамой, бабушкой и четверо детей остались на оккупированной территории в местечке Чечельник Винницкой области. Мне тогда было уже тринадцать лет.

Когда немцы заняли местечко, всех евреев выгнали на окраину – в гетто. Жили в нечеловеческих условиях. В семье все заболели тифом, отчего бабушка и умерла.

Узники должны были носить жёлтую звезду. У кого её не было, могли расстрелять. Очень тяжело вспоминать гетто. Это не должно повториться.

Бейзер (Мажбиц) Галина

Я родилась 10.08.1942 года в лагере Печора Винницкой области. Жизнь в нём была очень тяжёлой. Из-за болезней и голода умерло много людей.

Кроме того, каждый раз приходили люди в белых халатах, делали какие-то уколы и забирали кровь у взрослых и детей.

Старшие сёстры и братья очень часто со слезами на глазах вспоминали о жизни в лагере. С 1991 года живу в Израиле.

Беккер Доня

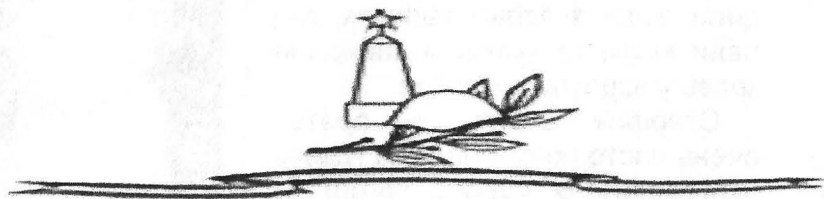

До войны наша семья жила в городе Тульчин Винницкой области. Здесь я и родилась 5 марта 1931 года.

Помню тот день, когда немцы оккупировали наш город. Через несколько дней они выгнали всех евреев из домов и согнали в первую русскую школу, которая находилась на центральной улице. Оттуда нас строем отправляли в баню. Там местный врач (если я не ошибаюсь, фамилия его была Белецкий) сделал нам прививки, якобы от заболевания (так он сказал). А на самом деле, это была вакцина брюшного тифа. Буквально все начали после этого себя чувствовать плохо. С каждым днём положение ухудшалось, люди умирали, количество трупов увеличивалось. Я чудом осталась жива, а дядя, тётя и другие родственники умерли.

Весной 1944 года нас освободили советские воинские части. Мы были измученные, тощие, еле стояли на ногах.

Через несколько дней вернулись в родной город, но дома нашего не было. Увидели одни развалины от прямого попадания снаряда. Остались только три тополя. Жизнь начинали сначала.

Боринбойм Ида

Наша семья из восьми человек жила в Тульчине. Я была самой маленькой – родилась в 1940-ом, поэтому о событиях во время оккупации города нацистами знаю из рассказов мамы.

...Это было в Печоре, куда согнали много евреев и построили гетто. Поместили всех в большие бараки. Надсмотрщиками служили местные полицаи. Каждое утро они выгоняли людей на работу. Дети до поздней ночи убирали коровники и свинарники. Дедушка и бабушка умерли у нас на глазах от истощения.

Самых крепких мужчин и женщин заставили строить железную дорогу. Однажды в эту группу взяли отца и старшую сестру, и больше мы их не видели.

На поле была выкопана большая яма, куда бросали людей, которые не могли работать. Это нам рассказали жители расположенной вблизи деревни.

В начале 1944 года мы приняли решение бежать из лагеря. Но нас поймали немцы и привезли в деревню. Украинским охранникам они приказали рыть яму, а когда она будет готова, нас расстрелять и засыпать землей. А сами пошли пить самогонку. Мы стали плакать, кричать, просить, чтобы отпустили. И собравшаяся толпа нас пожалела. Недалеко был лес, куда мы побежали. Затем прошли несколько километров и остановились – больше не могли двигаться...

Когда добрались до нашего двора, то дома своего не увидели: его разбомбили. Мы уехали к знакомым в Брацлав, где жили до 1991 года. Затем репатриировались в Израиль. Счастливы, что мы у себя дома.

Вайс (Коренфельд) Сара

Когда началась война, мне исполнилось девять лет. Наша семья жила в местечке Фалешты Бельцкого уезда (Молдавия).

Однажды ночью началась сильная бомбёжка. Мама, папа и четверо детей бросилась бежать в близлежащее село к знакомым. На следующий день мы вернулись и увидели свой дом пустым, разграбленным. И когда немцы погнали евреев из местечка, мы все были легко одеты.

Вместе с нами ещё шли: мамин брат с женой и двумя мальчиками. Был в колонне и папин брат Эрш, его жена и пять детей остались в соседней деревне и погибли. Такова же участь была папиных родителей, которые жили в местечке Скуляны.

Первую остановку сделали в деревне Лимбены на большом дворе. Людей было очень-очень много. Сидели, лежали на голой земле. Вместо туалета – большая яма. Пить нас выводили со двора по десять человек: кто с бутылкой, кто с кружкой...

Затем нас погнали дальше. Голодные, холодные, больные. По дороге умерли мама и её родители, а затем папин брат и моя старшая сестра (ей было четырнадцать лет). Нас осталось трое детей и папа.

Папа был совсем неграмотный, но имел хорошую профессию – бондарь, поэтому мы и выжили. По дороге он забегал к людям, ремонтировал бочки, кадки, а наш двенадцатилетний братик ему помогал.

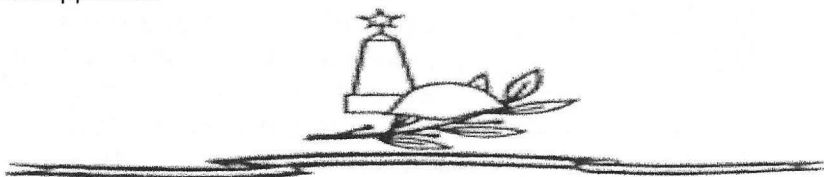
В селе Балашовка Бершадского района, где нас загнали в гетто, мы жили в свинарниках и конюшнях. Люди тяжело работали, голодали, замерзали, умирали. Дети

собирали урожай на полях, питались всем, что удавалось найти съедобное.

Однажды нас с сестричкой (она на один год младше меня) забрали, чтобы куда-то увезти. Куда и зачем никто не знал. Папа не хотел нас отдавать и его страшно избили. В это время нам удалось убежать и спрятаться.

Счастливым был весенний день нашего освобождения. Все пели, танцевали и радовались.

С частями Красной Армии мы вернулись домой, в Молдавию.

Вайсман Женья

С началом оккупации наша семья была поселена в лагерь Печора. Немцы зверствовали. Они убили двух сестёр моей мамы и их детей.

Мы сбежали ночью. Шли, прячась в лесу и в поле. Добрались до города Могилёв-Подольский в 1942 году. Здесь в тяжелейших условиях жили в гетто до освобождения.

В Израиле с 1972 года. Пережитое в Катастрофе, отразилось на здоровье. У меня сахарный диабет второго типа. Мне делали операцию на открытом сердце. Я страдаю от высокого давления и не могу самостоятельно передвигаться.

Гаусман Роза

Я родилась 20.06.1929 года в городе Могилёв-Подольский. В начале войны мой папа – Наум Нахманович не был призван в армию – он имел бронь, как рабочий мукомольной мельницы. Мама – Белла Шмульевна, буквально перед началом боевых событий родила мальчика и занималась хозяйством, воспитывала детей: меня, сестру Полю (1930) и брата Мишу (1935).

В конце июня 1941 года немцы начали бомбить Могилёв-Подольский. Наша семья убежала в ближайшее село Озаринцы. Одна из бомб разрушила плотину. Хлынувшая вода, снесла наш домик, и мы остались без крова, одежды и необходимых для жизни вещей.

В июле в Озаринцах немцы провели облаву на евреев и захватили двадцать восемь мужчин, включая папу. Их закрыли в синагоге, а затем расстреляли только за то, что они были евреями.

У матери пропало молоко, и наш грудной братик умер от голода. Мама одевала меня в порванную одежду и мазала лицо сажей, чтобы не приставали румыны, которые насиловали девочек, оставшихся без отцов.

Нашему горю и отчаянию не было предела. В таком состоянии мы пешком возвратились в город – голодные, без жилья и вещей. Нас приютили знакомые, и мы стали выживать в одной комнате на восемь человек.

В эти оккупационные годы, мы постоянно голодали. Я знала место в колючей проволоке, через которое можно было выбраться из гетто, чтобы ходить просить еду у местного населения. Кроме того, не было воды, мыла, что способствовало распространению вшей и болезней.

От голодной смерти нас спасла семья украинцев Белинских, принявших нас с мамой на работу. За наш труд они давали еду и немного одежды.

Пока буду жить, не смогу забыть пережитое. Пусть будет благословенна память всех моих родных, убитых фашистами, умерших по их вине от голода и болезней.

Счастлива, что я живу в еврейской стране, в прекрасном городе Афуле. Меня навещают дети и внуки, проявляют заботу члены совета Афульского отделения «Всеизраильской Ассоциации уцелевших в концлагерях и гетто», а также волонтеры амуты «Сабра». Спасибо им за помощь и внимание.

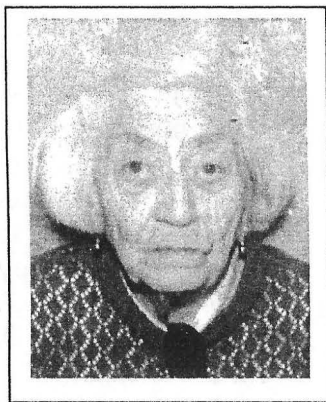

Гец (Фаерман) Лотя

Я родилась 29.02.1928 года в Черновцах на Буковине. Помню первые дни оккупации. Фашисты загнали евреев в гетто, но в нем мы были не долго.

Вскоре колонну евреев погнали пешком в город Окницу (Бессарабия). А ещё через месяц «переселили» в Могилёв-Подольский, где наша семья находилась в гетто до весны 1942-го. Затем, опять же пешком, нас погнали в гетто Маленькие Черневцы Винницкой области. Здесь, за несколько дней до освобождения регулярными советскими частями, немцы убили папу. С трудом пережив трагедию, мы с мамой вернулись в Черновцы.

В 1995-го я с мужем репатриировалась в Израиль, где живу в красивом городе Бейт-Шеане.

Гринфельд Мария

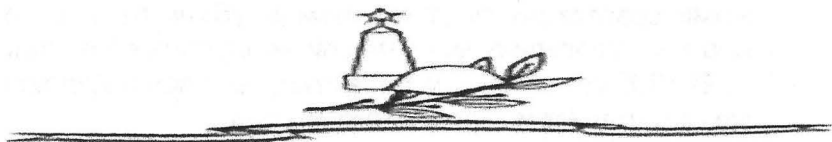
Я родилась 17.01.1937 года в очень бедной семье, где было семеро детей. Накануне войны отца призвали в армию, а мы продолжали жить в посёлке Каменка. Когда сюда пришли фашисты, они выгнали всех евреев на площадь, а потом закрыли в подвале.

Почти раздетых, в холоде, без еды и воды нас продержали более двух суток. Когда открыли дверь, все побежали в разные стороны, а румыны ловили мужчин и отводили к Днестру. Там их расстреливали и топили.

Нам с мамой удалось убежать в село Северинка. Её поймал полицейский и жестоко избил на глазах детей. К счастью, украинка Мария предложила оставить меня у неё. Моя тётя Соня оставила свою дочку Лиду у другой соседки. Но нашлись подлые люди, которые выдали нас полицейскому. Он схватил нас за руки и поволок топить в реке. К счастью, когда мы проходили мимо парка, в котором играла музыка и веселились румыны, их командир пожалел нас и отдал работать у портного в Каменке.

Через месяц румыны вспомнили о нас и погнали в Рыбницу, в гетто, а ещё через два месяца отправили в лагерь - в Балту. Здесь я тяжело болела и едва не умерла от голода.

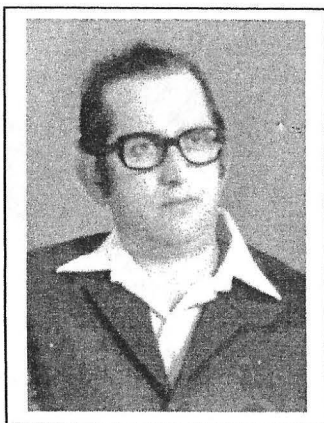
А маму, после того, как её жестоко избили, посадили в тюрьму. Нашла она меня только после освобождения.

Гросс Хойша

Наша семья: мама, папа, два брата и я находились в гетто Чернович.

Весной 1941 года, нас посадили в товарный поезд и повезли в лагерь в Транснистрию в Украину. Здесь мы поняли, что такое нацизм – евреев уничтожали холодом, голодом, расстреливали. В 1943 году убили моего папу. Я этого никогда не забуду!

Зорен Мириям

Почти три года я жила в гетто Томашполь Винницкой области. Помогала маме в прачечной, складывала белье, подметала двор вместе с братом.

После укола, который сделал немец, заболела брюшным тифом. С высокой температурой, попала в инфекционную больницу. Затем опять гетто. Голод, холод, издевательства. Собирала шелуху от картошки и всё, что было съедобно.

Запомнилось навсегда, что гетто было огорожено досками и колючей проволокой. Во снах вижу, как приходили ночью фашисты, забирали самых старых людей и убивали. Зачем? Почему?

Ужасы Катастрофы не должны повториться!

Журницкая (Глейзер) Раиса

Почти три года наша семья – мама - Глейзер Маня, папа - Глейзер Яша, сестра Неня и я, родившаяся за несколько месяцев до начала оккупации, находилась в гетто в селе Черневцы Винницкой области.

Трагедия началась с того, что оккупанты расстреляли бабушку и дедушку на пороге дома. Тётя и двоюродная сестра погибли в концлагере Печора.

Со слов мамы я рано узнала, что такое фашизм и гетто. Она мне рассказала, как нацисты собрали со всего гетто детей в центре села и объявили, что для сохранения их здоровья будут делать уколы.

Приходили какие-то люди в белых халатах, дети подставляли ручки и им что-то впрыскивали. После этого все очень тяжело и долго болели, многие умерли.

Выжили единицы. Болели животики, ножки, страдали от сильной рвоты, сгорали от высокой температуры. Я не могла самостоятельно передвигаться.

Мама много работала – убирала, стирала, чинила и белила дома. Всегда брала нас с сестричкой с собой, сажала на солнце и работала. А мы целый день были без еды. Поздно вечером, мама выходила от хозяев и давала нам по кусочку хлеба. Это был миг блаженства.

Журницкий Алексей

В нашей семье первой от нацистов пострадала моя родная тётя. Они её расстреляли за то, что она еврейка и для того, чтобы запугать остальных её соплеменников.

Это произошло в гетто в селе Черневцы Винницкой области. Мне тогда было три года, и я жил там с дедушкой Ициком, которому было семьдесят восемь лет и мамой Эстер, которой исполнилось двадцать шесть.

Голод, холод, болезни – всё это выпало и на мою судьбу. Особенно страшно было, когда началась эпидемия тифа. Из бараков ежедневно выносили десятки умерших. Я тоже заболел. Чудом считаю, что выжил.

Дедушка был сапожник, он и в гетто чинил обувь, а я ему помогал. Он мне, маленькому, давал забивать гвозди в ботинки и сапоги.

Мама очень болела, сильно кашляла с кровью. В 1944 году она умерла. Отец пропал без вести на фронте, и я остался круглым сиротой.

Сложной была и послевоенная жизнь. Пришлось многое вытерпеть, чтобы добиться определённых успехов. Учился, работал и дожил до тех дней, когда смог приехать в Израиль. Спасибо за это судьбе.

Зисер (Кушнир) Лиза

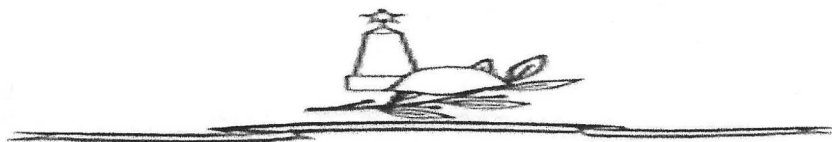
Мне было тринадцать лет, когда немцы ворвались в наше село Орловка Тульчинского района. Они приказали всем евреям собраться и в течение суток прийти в районный центр. Оттуда нас пешком погнали в Печору. Гнали, как стадо. Спали на земле, было очень холодно, голодали. По дороге больных и отстающих убивали.

В Печорском лагере смерти, куда мы, наконец, пришли, нас было пятеро: отец – Кушнир Кисиль, мать Кушнир (Квитко) Хана, моя сестра Ася и папина сестра Кушнир Хова Мошковна. Мама выбиралась из лагеря и ходила по сёлам просила еду. Один раз её поймали, забрали еду и сильно избили. Папа, увидев маму всю в крови, умер: у него было большое сердце. Потом тётя умерла с голоду. Таким образом, мы остались втроём.

Нас заедали вши, мы болели. У моей сестры был кровавый понос, чесотка. Она выжила, но стала инвалидом, умерла в 1991 году.

В конце 1943-го мы совершили побег из лагеря. Нам помогла одна русская женщина. Некоторое время мы жили возле леса, а потом перебрались в пустой разбитый дом на окраине села. Спали на чердаке, боялись выйти на улицу. Одна наша знакомая приносила еду, и мы её делили на несколько дней.

Однажды ночью услышали стрельбу и поняли – идёт бой, а на утро узнали, что мы освобождены. После войны я работала на швейной фабрике, вышла замуж за Мосю Зисера. У нас две дочери. Мы рады, что они также живут в Израиле.

Капилевич Соломон

Минск, где жила наша дружная семья, был оккупирован в первую же неделю войны. Мне уже было десять лет. За несколько дней до этого отца призывали в армию, мама с тремя детьми осталась в городе.

Вскоре фашисты приказали всем евреям переселиться в район города, который они выделили под гетто. Начались погромы. Чаще всего немцы их проводили в дни еврейских праздников. Невозможно описать все ужасы, которые пришлось пережить. Первой погибла мама, ей было сорок лет. Всех молодых женщин и девушек угоняли на тяжёлую работу в немецкую фирму «Лейман». В один из дней мою сестру, которой было 16 лет, с другими женщинами увезли в неизвестном направлении. Наверное, она погибла.

Старшему брату удавалось несколько раз убежать из гетто. Но однажды его поймали и жестоко избили. И всё же ему удалось убежать и пробраться к партизанам.

Во время погромов были убиты только из наших родных двадцать четыре человека, включая моего дедушку, малолетних двоюродных братьев и сестёр.

До последнего погрома мне и нескольким мальчикам моего возраста удавалось пробираться в мастерскую, которая изготовляла гробы. В них мы прятались. Вскоре мне удалось найти дорогу к партизанам, после чего я вывел к ним из гетто ещё восемь человек.

Поздней осенью 1943 года немцы устроили облаву. Меня и ещё несколько человек схватили и повели на местное кладбище, где приказали раздеться. Мы поняли: нас ждёт расстрел. Неожиданно появился всадник и передал пакет командиру. Нас не расстреляли, а отвезли

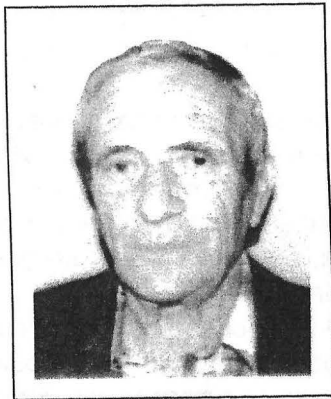
на станцию. Отсюда мой путь пролёг в Варшаву, затем в Германию в концлагерь «Айхингер». Чтобы скрыть своё еврейство, я выдал себя за Михаила Новикова. В этом лагере я пережил много горя, страданий, постоянно голодал. Нас кормили баландой и заставляли работать по двенадцать часов в день.

Вскоре меня и трёх мальчиков выдали, как евреев. Но был уже 1945 год. Германские города постоянно бомбили, и немцам было не до нас.

20 апреля 1945 года нас освободила шестая механизированная армия США. Все сведения о моём пребывании в гетто и в лагере хранятся в фонде Спилберга.

Кац Борис

Я родился 1 января 1941-го в городе Шаргороде Винницкой области. А в июле этого же года здесь уже хозяйничали фашисты. Началась Вторая мировая война.

Вместе с мамой, сестрой и братом мы находились в гетто. Это было очень тяжёлое время. Каждый день маму гнали на работу. Если она не успевала выполнять приказы, её избивали.

Не хватало еды, одежды, лекарства. Постоянно приходилось попрошайничать.

21 марта 1944 года нацисты решили расстрелять всех оставшихся евреев. Им это не удалось сделать – не успели: за день до этого передовые части Красной Армии ворвались в районный центр и освободили его от фашистов. Так мы были спасены.

Коган Илья

Я родился в 1927 году в посёлке Лозовая-Павловка на Донбассе в семье бухгалтера.

В августе 1941-го война пришла в Запорожье, фронт стал по Днепру, город днём и ночью обстреливала немецкая артиллерия. Во время одного из обстрелов снаряд угодил в нашу квартиру – папа был убит...

Мы с мамой после долгих мытарств и скитаний в начале декабря добрались до Ворошиловграда, где жила мамина сестра с семьёй.

Весной 42-о в результате поражения под Харьковом немцы начали наступление на Сталинград и на северный Кавказ. Ворошиловград немцы взяли без боя 17 июля. И начался ад, который я не забуду никогда. Нас избивали, гоняли на тяжёлые работы, а вечером 31 октября полицай приказал с утра явиться на стадион якобы для отправки в гетто города Сталино (ныне Донецк). Оказалось, что нас внесли в списки евреев, намеченных к расстрелу. Мы догадались о задумке нацистов и решили бежать из города.

Дней десять скитались по дорогам, просили милостыню. Однажды один добрый человек посоветовал перебраться за реку Донец к христианам – донским казакам. И, правда, они нас спасли. На хуторе Грачики нас приютили: кормили и поили два с половиной месяца до прихода Красной Армии 17 января 1943 года. Таким образом, мы с мамой оказались в списках расстрелянных евреев, приведённых в «Книге скорби Украины» по Луганской области.

В 1991 году моя семья и я приехали в Израиль. Мой сын был профессором физики. Жил и работал в Англии,

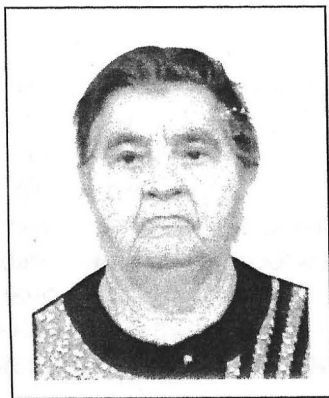

в Оксфорде. Умер в 2003 году, в возрасте сорока пяти лет во время конференции в итальянском городе Триесте. Жена умерла в 2010 году...

Я уже много лет – член Афульского отделения Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто». Рад, что состою в организации, которая помогает бывшим узникам нацизма и делает всё для того, чтобы память о Катастрофе стала достоянием всего мира.

Кофман (Винокур) Клара

Моя родина – село Джурин Шаргородского района Винницкой области, где я родилась 25.06.1936 года.

Когда фашисты обнесли всю территорию колючей проволокой, организовав гетто, наша семья стала затворником в холодном бараке. Чтобы получить хоть немного еды, мы с мамой ходили на работу, собирали картофель, свёклу и другие овощи, чистили сахарную свёклу, убирали территорию гетто. Жили в постоянном страхе, что каждый новый день будет последним.

Во время пребывания в гетто нам давали таблетки, делали прививки и проводили всевозможные эксперименты. Я почти всё время болела после каждой такой процедуры. У меня была высокая температура. После того, как перенесла тиф, частично лишилась слуха.

В марте 1944 года советские войска освободили гетто. Мы были спасены.

Кракопольский Соломон

Я родился 11.03.1935 года. Накануне войны мои родители с четырьмя детьми эвакуироваться не успела. Уже в июне немцы стали бомбить Жмеринский железнодорожный узел. А в июле немцы и румыны захватили наш город, и вскоре всех евреев загнали в гетто.

Самым большим страданием, испытанным в период нахождения в гетто, было постоянное чувство ожидания смерти от фашистов и их прислужников – украинских полицаев. Я был свидетелем того, как в августе 1942 года мимо нашего дома провели на расстрел колонну из двухсот восьмидесяти евреев: стариков, женщин и детей – бывших жителей местечка Браилов, находящегося в семи километрах от Жмеринки.

Особенно страх уничтожения появился летом 1943 года, когда жителей нашего гетто дважды выгоняли на улицу перед зданием правления общины для проверки «легитимации». Но к счастью, всё обошлось без эксцессов. Условия жизни в гетто способствовали тому, что я зимой 1942-го заболел гнойным плевритом. Рискуя жизнью за лечение еврея, меня спас украинский доктор Царюк, работавший в бывшей земской больнице.

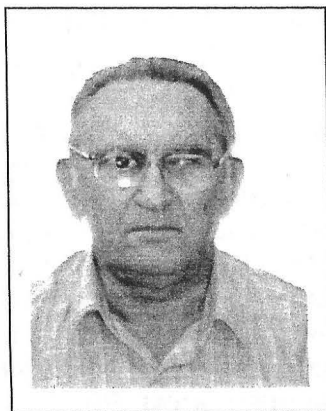
В начале марта 1944-го стало известно, что немцы перед уходом из города наметили уничтожение евреев. Украинка – дочь священника, знающая нашего отца, рискуя жизнью, пролезла под провололочным ограждением и смогла вывести только двух моих сестёр за пределы гетто. Оставшиеся дни до освобождения, мы прятались в полузатопленном подвале друга моего папы – Арона.

Немцы, пытаясь перейти в контрнаступление, с 1 мая 1944 года стали бомбить Жмеринский железнодорожный узел и город. Было уничтожено много домов. Известно,

что было убито сто пятьдесят девять человек и ранено двести шестьдесят пять. Мы в это время скрывались от бомбёжек в селе Браилов. Там нас нашла старшая сестра Хая, которая, после окончания Саратовского медицинского института в 1942 году, работала во фронтовых госпиталях. Сохранилась семейная фотография в день нашей встречи.

Ламанов Анатолий

Я родился 01.01.1940 года в селе Великая Михайловка Велико-Михайловского района Одесской области на Украине. Мои родители – Ламанов Алексей Андреевич и Ламанова Ольга Яковлевна (девичья фамилия Мендель).

Нашу семью война застала в городе Брест-Литовск, где работал отец. Его сразу мобилизовали на фронт, а мама решила со мной добираться к месту жительства её родителей. Дойти не успели, оказались на оккупированной территории в селе Рокины Луцкого района. Мне исполнилось тогда полтора года.

Мама тяжело работала. Фашисты зверствовали – за малейшую провинность избивали, а за повторное непослушание расстреливали. Количество трупов исчислялось тысячами.

В Рокино мы прожили до освобождения – до 23 марта 1944 года. Затем переехали в посёлок городского типа Рожище Волынской области. Здесь я прожил 58 лет. В 2002 году с женой Анной мы приехали в Израиль.

Лурье Мойше

Мои воспоминания основаны на рассказах моей покойной матери – Лурье Анны, 1908 г. р. Её девичья фамилия была Блюмберг

Я родился 17.02.1939 года. Наша семья состояла из четырёх человек: бабушки – Блюмберг Исразли, отца Арона Рудник, матери и меня. Мы жили в городе Вильно, который входил в состав Польши. Бабушка была профессором Вильнюсского университета по филологии.

После того, как немцы захватили Вильно в июле 1941 года, через некоторое время они согнали всех евреев в район старого Вильно и огородили его колючей проволокой. Наша семья питалась за счёт того, что мы продавали свои вещи и бабушкины драгоценности.

В сентябре 1943 года немцы и их прислужники литовцы стали организовывать облавы на евреев внутри гетто и вывозить их для уничтожения. Моего отца застрелили при попытке достать еду для семьи.

В одну из облав попали бабушка, мама и я. Нас повезли к месту расстрела в лесу Понары. Так как бабушка свободно владела немецким языком, она смогла поговорить с немецким офицером и попросила его за вознаграждение сохранить жизнь дочери и внуку. И передала ему все свои украшения и золото, которое носила на себе. Среди врученных фашисту вещей, был бриллиант в кольцо на полтора карата. Таким образом, состоялась вопиющая сделка – обмен драгоценностей на жизнь.

Как и договаривались, нацист поставил на краю ямы бабушку, за ней маму со мною на руках. Когда он выстрелил в бабушку, она, падая, повлекла нас за собой в

яму. Мама рассказала мне, что в этой яме мы переждали расстрел всех из нашей группы, а ночью выкарабкались из ямы по убитым и побежали в лес.

Мама знала, что у бабушки есть знакомые поляки в деревне Букишки. Когда мы пришли к ним, нас не выгнали и, рискуя жизнью, поместили в тайник в хлеву (в подвале хлева) под свиньями. Сверху на тайнике лежали доски, одна отодвигалась и через образовавшуюся щель хозяйка давала нам баланду из разных отходов. Но она потребовала, чтобы мы совсем не разговаривали и молчали.

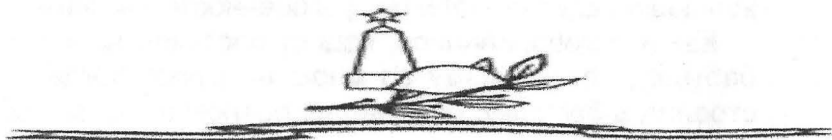
В этом подвале мы прожили семь месяцев. После этого длительного затворничества меня отправили к священнику, выдав меня за немого мальчика. За семь месяцев я потерял способность говорить и мог только рычать, т. е. я стал немым ребёнком. Поэтому священник проявил сочувствие к больному ребёнку. И взял меня, чтобы я помогал ему при проведении церковного богослужения.

Мама оставалась в погребё до освобождения этой территории Советской армией. Выйдя на улицу, она сразу пришла в церковь, и я бросился к ней.

Мама стала меня учить говорить. Большую врачебную помощь мне оказал доктор, который был учеником профессора Филатова. Меня лечили в течение трёх лет. В результате питания баландой у меня зубы имеют по три корня, что удивляет зубных врачей.

Из-за немоты я пропустил первый и второй классы учёбы. Даже сейчас мне приходится разговаривать с трудом.

P.S. Во время пребывания в гетто моя мама, Лурье Анна, выполняла указания руководителя еврейской общины в гетто. Его звали Бесак Хаим.

Миллер Рива

Захватив Единцы в Молдавии, где жила наша семья, оккупанты отправили нас с матерью вместе с другими евреями города в гетто на станцию Копай в Винницкой области. Мы находились там до сентября 1941 года. Затем нас перевели в местечко Копайгород, и мы были там до марта 1944 года.

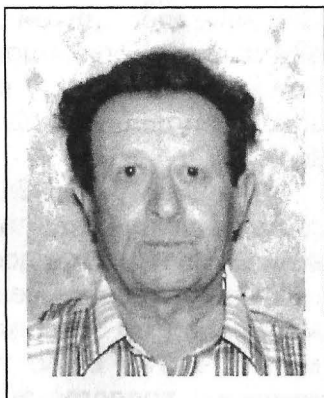

Это были страшные годы – годы между жизнью и смертью. Такое не должно повториться. Люди, берегите мир!

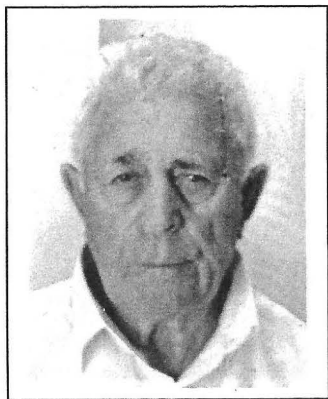
Мур Абрам

Я родился, когда фашисты уже заняли Мурафу – 08.08.1941 года. Моя мама рассказывала, что оккупанты сразу отгородили территорию колючей проволокой и сделали гетто для всех местных евреев. Потом пригнали ещё почти две тысячи евреев из южных областей. Установили комендантский час. За неповиновение расстреливали. Детям насильно делали уколы, после чего многие болели тифом и умирали.

У нас была большая родня. Не все выжили, погибли в других гетто - в Ямполье, Бершади, Ободовке... Мы их никогда не забудем.

Найдер Михаил

Я родился в 1930 году в местечке Ободовка Винницкой области. У моих родителей: отец – Бейчик Зейликович, мать – Хайка Менделевна, было два родных сына и один приёмный. Звали его Йоська. Он появился в нашей семье после того, как мои родители усыновили мальчика убитого их друга с женой во время одного из еврейских погромов.

У меня было много родственников. Например, мама имела брата и четырнадцать родных сестёр, четыре из них, во время революции, уехали в Палестину. У отца были две сестры. Все тёти и дяди имели по несколько детей – это уже мои двоюродные братья и сёстры.

Война жестоко коснулась нашей семьи. На фронт сразу забрали двух моих братьев. Оба погибли – один в Сталинграде, другой – под Смоленском. Вообще, во время войны из нашей родни на фронте погибло более двадцати человек. А в Балте Одесской области живём закопали двадцать один человек – маминых сестёр и их детей.

В начале июля 1941 года мы, собрав самое необходимое, уехали на подводе от наступающих немецких войск. Но, не успев доехать до Умани, нас настигли немцы. Они отобрали все вещи и пешком погнали назад. Так мы попали в Печорский лагерь, где жили два месяца в конюшне. Там было собрано много людей. Нас не кормили, за пределы гетто не выпускали. Взрослых ежедневно гнали работать. Они приносили еду – свёклу, тыкву, разные пищевые отходы. Мой отец был бондарем, делал бочки.

Друзья отца – лесники Пастух и Адтала – узнали, что мы в Печоре. В одну из ночей они приехали на подводе и забрали нас в Ободовку, где отец у них в лесничестве делал бочки, а за работу получал еду для семьи.

К этому времени и в Ободовке уже было гетто. Сюда пригнали несколько тысяч евреев из Румынии, Молдавии, Бессарабии. Наступили холода, начался голод. Люди каждый день десятками умирали. Кроме всего прочего, люди в белых халатах делали какие-то уколы. У многих начался тиф, поднималась высокая температура. Количество трупов резко увеличилось.

Цифры на братской могиле в Ободовке говорят о многом. До войны в местечке всего было две тысячи жителей, а за время оккупации там погибло двадцать шесть тысяч евреев. Только в нашей родне погибло более ста шестидесяти пяти человек.

Рассказать всё невозможно, что мы пережили и видели за три с половиной года фашистской оккупации.

...Во время нахождения в гетто, я познакомился с девочкой Рахель. Перед войной она приехала из Днепрпетровска к бабушке на каникулы и оказалась с ней в гетто. Мои родители помогали соседям с пропитанием. А мы с Рахель подружились, вместе прятались от облав и о своём будущем ничего не знали.

В марте 1944 года вошли Советские войска и нас освободили. За Рахель приехала мама и увезла её домой.

В 1946 году по приказу Сталина нас, как и тысячи других соплеменников погрузили в вагоны и полтора месяца в теплушках везли обновлять и облагораживать Еврейскую автономную область. Работали в колхозе. Здесь состоялась моя вторая встреча с Рахель, приехавшей в эти далёкие края в 1948 году. Через год мы расписались и живём уже вместе шестьдесят пять лет. У нас есть сын и дочка, три внука, два зятя, одна невестка и шесть правнуков: старшему двадцать два года, младшему – полтора года.

Нудлер Полина

Моя девичья фамилия Сойфер. И эти воспоминания – фрагменты рассказов родителей.

Я родилась в 1940 году. В семье была самой младшей. Ещё были две сестры: пяти и трёх лет.

Когда началась война, мне исполнилось девять месяцев. Родители решили перебраться в Томашполь, рассчитывая на помощь родственников, которые проживали там. Приехав в местечко, они увидели ужасную картину. Несколько улиц были огорожены колючей проволокой, куда сгоняли всех евреев. Эта участь ожидала и нас.

Мы оказались в замкнутом мире без еды, питья и одежды. Нас заедали вши. Средняя сестра заболела тифом. Мама меня кормила грудью, но вместо молока я высасывала кровь.

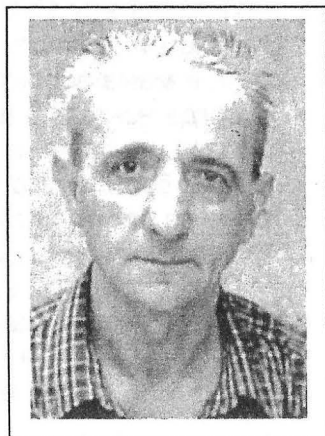
Утром мама уходила на работы, брала меня с собой. Старшая сестра помогала ей, ухаживала за мной и ходила по хатам, выпрашивая милостыню.

Мы выжили благодаря русской женщине, которая, рискуя жизнью, приходила и каким-то образом перебрасывала нам еду. Звали эту женщину Аксинья Макарова. Да будет благословенна её память! Её давно нет в живых. Но мы до сих пор продолжаем дружить с её детьми и внуками.

Пекерман Леонид

В годы фашистской оккупации я находился в гетто вместе с матерью, сестрой и братом в местечке Томашполь. Для того, чтобы заработать на еду маме приходилось много работать. Я помогал ей в прачечной складывать бельё, подметать двор и др.

Однажды пришли люди в белых халатах и сделали мне и другим детям уколы. После этого поднялась высокая температура и меня поместили в инфекционную больницу в Капайгороде с диагнозом – брюшной тиф.

В гетто мы очень голодали. Я помню, как ходил с сестрой по двору и собирал шелуху от картошки и всё, что было съедобно.

Гетто было огорожено досками и колючей проволокой. Фашисты часто врывались ночью и забирали несколько человек. После этого мы больше их не видели.

Песина Любовь

Я родилась в 1930 году в Минске. Моя девичья фамилия Дикштейн. На мою судьбу выпали война и гетто.

Большим испытанием стала жизнь в Минском гетто. Погибли тысячи невинных людей. Среди них – мои родители, брат и сестра, которых расстреляли в 1941 году.

Ужасов гетто никогда не забыть. И надо сделать всё возможное, чтобы фашизм не возродился.

Ройтбург (Путник) Фрида

Я родилась 13.07.1932 года в местечке Тростянец в Винницкой области в семье рабочего. Через год умер отец, и мама воспитывала меня одна.

Когда началась война, эвакуироваться мы не успели и все годы оккупации находились в Печорском гетто.

Мне было всего девять лет, когда я попала в лагерь, но меня заставляли выполнять всякую тяжёлую работу. За невыполнение били.

После освобождения вернулись в Тростянец. Я пошла учиться, закончила семь классов и начала работать.

В двадцать два года вышла замуж, родила двух дочерей. В 1997 году с мужем репатриировалась в Израиль.

Ройтман (Фридман) Доня

В начале войны наша семья – родители, сестра, брат и я жили в Бершади. Мне было тогда семь лет.

Когда в город вошли немцы и румыны, они сразу организовали гетто. Во время облав нас прятали украинцы.

Мама тяжело работала. Фашисты зверствовали – за малейшую провинность избивали.

В марте 1944 года гетто освободили советские войска. Началась мирная жизнь. Училась, работала, воспитывала детей. В 1990 году с мужем – Петром Ройтман и детьми приехала в Израиль. Безмерно счастливы, что выжили в годы оккупации и имеем возможность жить на своей Родине.

Ройтман Пётр

Я родился в 1928 году в Ободовке. Когда в местечко вошли немцы и румыны, они сразу организовали гетто. Кроме местного населения в него пригнали тысячи людей из Молдавии и Румынии, из южных областей Украины. Их количество с каждым днём увеличивалось.

Мама и я ходили на работу. Она, как правило, была всегда тяжёлой. Наступила зима, начались холод и голод. Люди замерзали. Трупы каждый день увозили на кладбище.

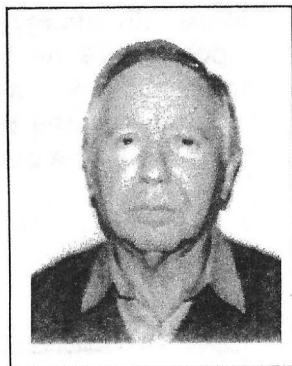
Кроме того, детям сделали уколы, в результате чего началась эпидемия тифа, много детей умерло. У нас была большая родня: мамины сёстры с детьми. Из нашей родни погибли более шестидесяти человек.

Рувинштейн Борис

В первый же день войны отец был призван на фронт, где и погиб в 1944 году.

Мама со мной, а мне ещё не было и годика, и старшим братом пыталась эвакуироваться из Первомайска Николаевской области, где мы жили. Но дороги уже были перекрыты, и мы направились к маминим родителям в село Луковка Кривозёрского района.

Осенью 1941-го всю нашу семью: маму, бабушку, дедушку, дядю, меня и старшего брата отправили в гетто в село Доманёвка Одесской области. Наше нахождение там в эти страшные годы, подтверждают документы, которые я получил из музея Холокоста (Вашингтон, США).

Трагедии отдельных людей и целых семей запомнил с рассказов матери, дедушки, бабушки, которые все эти страшные годы были рядом со мной. Им я благодарен за спасенную жизнь.

Находясь в гетто, жили в бараках, ограждённых колючей проволокой. Там мы получали различные инъекции, прививки, от которых тяжело болели, а многие умирали.

Все взрослые очень тяжело работали на строительстве дорог и в сельском хозяйстве. Время не регламентировалось – с утра и до позднего вечера.

Тех, кто по состоянию здоровья не мог работать, отправляли в другой лагерь – в село Акмечётка Одесской области. Там они все были обречены на смерть.

В начале 1944-го немцы отступали. Охрана лагеря была ослаблена. Многие евреи начали убегать.

В марте убежала и наша семья. Передвигались в основном ночью. Шли полями и лесами. Иногда нас прятали добрые люди - на чердаках или в сараях. Они подвергали себя опасности быть расстрелянными вместе с нами. Спасибо им за доброту и помощь.

Вскоре советские войска освободили Одесскую область. Мы вернулись в село Лукановка. Мамин брат, которому ещё не исполнилось и семнадцать лет, ушёл добровольцем на фронт, где и погиб в 1944 году.

В настоящее время из всей моей семьи в живых остался только я один.

Соболь Шулим

12 октября 1941 года немецкие войска вошли в Одессу, где я жил с родителями и братьями Борисом и Юзиком. Мне тогда было четыре с половиной года.

Через одиннадцать дней приказом немецкого командования всем евреям необходимо было явиться в тюрьму города. Оттуда нас отправили на Слободку (район Одессы), где было организовано временное гетто.

Из Слободки евреев этапом погнали в Доманёвку. Шли около десяти дней, пока не добрались в организованное в этом селе гетто. Там отделили всех мужчин и оставили на месте. А женщин и детей отправили в лагерь в село Акмечётка. Жили мы в свинарниках, в очень тяжёлых условиях, не имели еды и одежды.

Мой отец, Давид, был хорошим строителем и специалистом по жестяным работам. Он попросил руководство гетто в Доманёвке отпустить его семью из Акмечётки. И он такое разрешение получил. Шли целую ночь и утром уже встретились с папой.

Моего старшего брата Бориса забрали на строительство понтонного моста в Николаеве, который называли Варварским. Там он и погиб. Брат Юзик остался у соседки в Одессе. К нашему общему горю мы и его не застали в живых.

В апреле 1944 года мы вместе с наступающими войсками вернулись в Одессу.

Спектор Сара

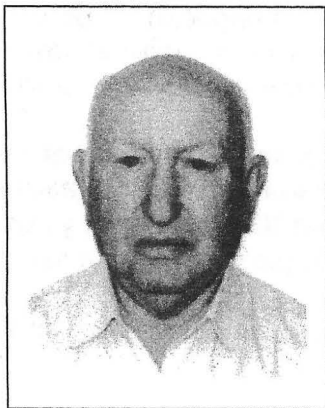
Моя девичья фамилия Дараховская. Я родилась 28.05.1940 года в городе Ямполь Винницкой области.

Во время оккупации города фашистами мама, сестра, брат и я находились в гетто. Отец с первого дня воевал на фронте. В 1945 году мы получили извещение об его гибели.

В Израиль я приехала в 1995 году.

Ткачман Александр

Я родился 2 декабря 1938 года в селе ДЕРЕБЧИН Шаргородского района Винницкой области. Во время войны моя семья состояла из матери, двух старших сестёр, брата и меня. Отец был на фронте.

Мы жили где-то на окраине села, и соседи — украинцы спрятали нас на чердаке, так мы остались живы. А тех, кто жил в центре села, в один день всех немцы расстреляли. После войны я сам видел, где похоронены на поле все убитые евреи.

На оккупированной территории мы жили всю войну с 20.06.1941 по 20.03.1944 годов.

Файнгерц Моисей

Я родился 01.09.1929 года в селе Городковка Крыжопольского района Винницкой области.

С 1941 года находился на оккупированной территории в гетто вместе с родителями. Весной 1944 года были освобождены советской армией.

Имеется архивная справка №06-333/2 от 25.05.1948 из Государственного архива Винницкой области.

Фельдман Таня

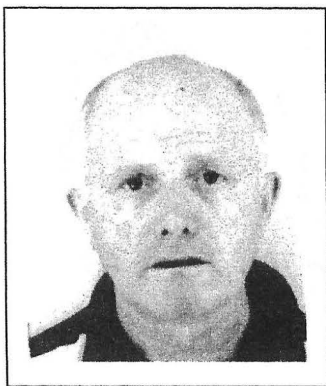
Моя девичья фамилия Яловецкая. Родилась я 29 августа 1935 года в селе Городковка Крыжопольского района, где нас и застала война. Отца забрали на фронт, и он там погиб. Его похоронили в братской могиле в Кременчуге в Полтавской области.

В гетто мы прожили три с половиной года. Мама работала в поле, собирала урожай: картошку, морковь, лук. Я работала вместе с ней, хотя была ещё маленькой.

Эти страшные годы – между жизнью и смертью, нам никогда не забыть.

Фирер Нахум

Я родился 6 июня 1941 года в городе Бершадь Винницкой области. Эвакуироваться наша семья не успела, и мы все оказались в гетто, где и пробыли до освобождения советскими войсками. Папа – Фирер Зейлик, сапожник – был расстрелян немцами в гетто.

В 1947 году семья переехала в город Стрый Львовской области. Там я окончил школу, железнодорожное училище и работал на заводе. В 1965 году я женился и переехал жить в Винницу, где мы и прожили вплоть до переезда в Израиль в 1991 году. У нас с женой две дочери и четверо внуков.

Форштат Владимир

Я родился в 1930 году в городе Сталино (Донецк). Наша семья состояла из четырёх человек: мать, отец, сестра и я.

В первые же дни войны папу забрали на фронт. Мы остались на оккупированной территории. Немецкие оккупанты часто делали облавы. Однажды они забрали маму и убили её. Мы с сестрой остались одни.

Нас прятали соседи. Мы очень благодарны им за подаренные жизни.

Цехтик Мойше

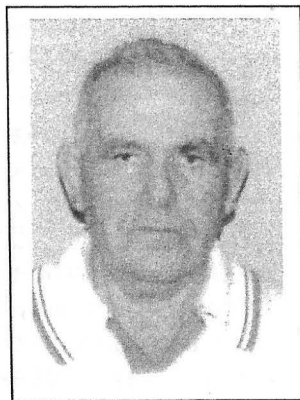
В начале войны отца – Цехтика Волько Бенционовича призвали на фронт. Мама (девичья фамилия Вакс) оставила меня на бабушку Шейндл и ушла провожать его на железнодорожную станцию. В это время она уже была беременна вторым ребёнком.

После того, как на станции Рудница отцу выдали военную форму, а эшелон отправили, мама стала возвращаться домой. Делать ей пришлось это уже по оккупированной немцами территории. В пути она была ранена, и какой-то сельский фельдшер оказал ей первую медицинскую помощь.

Вернулась мама, когда в Бершади создали гетто. В центре города находилась немецкая комендатура, а за порядком следили румынские солдаты и украинские полицаи.

2 января 1942 года мама родила братишку. В гетто были голод и холод, часто раздавались выстрелы – убивали евреев. С четырёх часов дня действовал комендантский час. В это время мы спускались в подвал. Чтобы не привлекать внимание фашистов, мама затыкала рот маленькому Абраше. Имя ему дали в память сожжённого немцами маминого брата – Аврума Вольковича Вакса. Эта же участь постигла его жену и двух детей. А мой дедушка – Цехтик Бенцион умер в гетто.

Отец погиб 18 ноября 1941 года и похоронен под Харьковом в селе Новоглиница в братской могиле. Мама умерла после войны. Мы с братом воспитывались в детском доме.

Шмуленсон (Друбецкая) Ева

В Чечельнике Винницкой области жили родители моего отца. В это местечко вначале войны и решили бежать папа с мамой. Мне уже было тогда девять лет. И в дороге я помогала родителям, брату, бабушке и дедушке с маминой стороны, которые жили с нами.

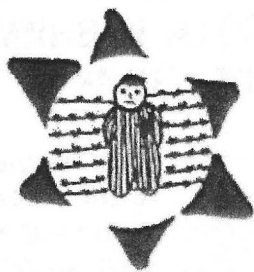

Через день после приезда, ночью всех евреев выгнали на площадь. Отделили мужчин от женщин и детей. Всё шло к тому, что нас должны были расстрелять. В какой-то момент подъехали два мотоциклиста. Немцы что-то между собой переговорили и подозвали переводчика. Выслушав приказ, он сообщил, что все могут разойтись по домам и ждать следующих распоряжений.

Мы понимали, что отпустили нас временно и решили бежать в Крыжополь. Пробирались ночами через лес, старались не высовываться даже на опушки. Наконец, добрались и попали в гетто. Оно здесь было организовано в августе 1941 года.

Гетто было окружено колючей проволокой и хорошо охранялось. Жили впроголодь, носили жёлтые звёзды, переносили все издевательства и трудности. Нас, невзирая на возраст, использовали на самых тяжёлых и грязных работах: погрузке леса, очистке выгребных ям, уборке улиц и подсобных помещений.

От голода, холода, эпидемических заболеваний, в том числе и тифа, люди умирали. Мы чудом остались живы. Наступающие части регулярной Красной Армии освободили нас в марте 1944 года.

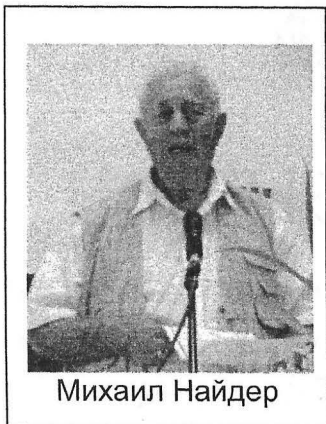

ФРАГМЕНТЫ

публикаций о жизни и деятельности
Афульской городской организации
Всеизраильской Ассоциации
«Уцелевшие в концлагерях и гетто»
в израильских газетах и журналах

ЗАБОТА И ВНИМАНИЕ БЫВШИМ УЗНИКАМ НАЦИЗМА

Михаил Найдер

С каждым годом уходят из жизни люди, чудом уцелевшие в концлагерях и гетто, люди, детство которых прошло за колючей проволокой, на глазах которых фашисты убивали родных и близких. Но мы, много пережившие, считаем, что должны как можно дольше не поддаваться болезням.

Есть такая шуточная пословица: «Спасение утопающих дело рук самих утопающих». По этому принципу в нашем отделении Всеизральской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» действует совет, выбранный общим собранием городской организации бывших узников нацизма из не очень здоровых, но волевых людей. Активисты поставили перед собой задачу помогать больным и организовать посильную заботу о каждом члене нашего коллектива.

Известно высказывание профессора психологии Дэвида Майерса: «Во взаимоотношениях с людьми правильным обычно является тот поступок, который труднее всего совершить». Безусловно, труднее всего нам, не очень здоровым, пожилым людям, заботиться о тех, кто ещё слабее нас. Но нам даёт дополнительные силы сознание того, что мы приносим пользу и что востребованы наши усилия, и что нам благодарны те, кому мы помогаем. Поэтому радуемся, когда удаются добрые дела. Например, мы сумели организовать получение ежемесячных продуктовых наборов не только для узников гетто, но и для бывших беженцев в годы Второй мировой войны. Они также нуждаются в помощи.

Для осуществления намеченного была проделана большая подготовительная работа, своевременно подали необходимые документы, заполнили соответствующую анкету, постоянно напоминали о себе. И вот, есть положительный результат: амута «Цурхаим», находящаяся в Тверии, оказывает помощь пострадавшим в Катастрофе. Представитель этой организации привозит наборы продуктов в Афулу. Он очень доброжелательный и внимательный к каждому человеку.

Вручение подарков позволяет членам совета одновременно быть в контакте с каждым бывшим узником нацизма, иметь возможность постоянного общения с ним и узнавать о состоянии здоровья и личных проблемах.

Одной из форм нашей деятельности стало проведение коллективного Дня рождения. Организация такого праздника стала возможной благодаря международной организации «Сабра». Именинники очень благодарны за тепло и внимание, которые им оказывает ее создатель и руководитель Моти Климер.

У нас уже давно принято в день рождения поздравлять именинника открыткой, вручать букет цветов, посещать больного и оказывать посильную помощь. Следует отметить активную деятельность членов совета: Соломона Кракопольского, Зулю Кушнир, Семёна Аденберга, Бориса Рувинштейна, Мойше Цехтика, Мани Гринфельд, Льва Боровского.

Мы благодарны за постоянное внимание и поддержку в нашей работе председателя Всеизраильской организации бывших узников нацизма Гиты Койфман и членам бюро Ассоциации. Многосторонняя деятельность Центрального совета, под её руководством, хорошо известна не только в нашей стране. Она снискала большое уважение у членов правительства и депутатов Кнессета, а также у руководителей многих международных общественных организаций.

Гита Койфман принимала активное участие в продвижении Закона об узниках концлагерей и гетто, об осво-

бождение от платы за лекарства, в выделении правительством ежеквартальной помощи на оздоровление и других важных решений. Мы благодарны ей за своевременное разъяснение новых законодательных документов, информацию о деятельности Фонда пострадавших в Катастрофе и Форума «Коалиция помощи Израилю».

4 марта 2014 года делегация нашей организации присутствовала на прекрасно организованном в мемориальном комплексе Яд Вашем мероприятии, посвящённом 70-летию освобождения Транснистрии от немецко-румынского фашизма.

Большой эмоциональный всплеск у присутствующих вызвало подведение итогов конкурса рассказов – воспоминаний о матерях, который широко был представлен на сайте Ассоциации. Среди отмеченных наградой были афульчане М. Цехтик, И. Коган и С. Кракопольский.

Подобные мероприятия и конкурсы нас вдохновляют и способствуют улучшению деятельности. Помощь и внимание нам оказывают члены бюро Ассоциации Наум Керпилевич, Борис Бурле, Михаил Штейнман, генеральный директор Роман Брамник. Так, например, заместитель председателя Ассоциации Борис Бурле, помог нашему отделению провести встречу с членами делегации из Германии. Встреча прошла очень интересно и позволила нам понять, что молодое поколение немецкого народа с большим уважением относится к евреям и нашей стране. Оно переживает за совершённые преступления нацистов, старается искупить их вину и активно поддерживает Израиль на международном уровне.

Михаил Найдер –
председатель совета
Афульского отделения узников гетто
Всеизраильской Ассоциации
«Уцелевшие в концлагерях и гетто».

Соломон Кракопольский –
заместитель председателя.

ЖИТЬ В МИРЕ И ДРУЖБЕ

Однажды на одном из собраний Центрального совета председатель Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» Гита Койфман сделала сообщение об одной из поездок в Германию, где наша делегация побывала в Бундестаге с официальным визитом. Она рассказала с каким вниманием, сочувствием и состраданием воспринимали немцы её воспоминания о пребывании в гетто.

Вспомнила Гита об эпизоде, когда перед Бундестагом один смельчак-еврей завернулся во флаг Израиля и вокруг него стали собираться люди. Вскоре здесь состоялся импровизированный митинг в защиту Израиля. Именно в ту поездку в Германию Гита Койфман познакомилась с Эльке и Хенрих Каасманн, основавшими ещё в 1993 году организацию «Эвен Эзер». Так началось полезное сотрудничество.

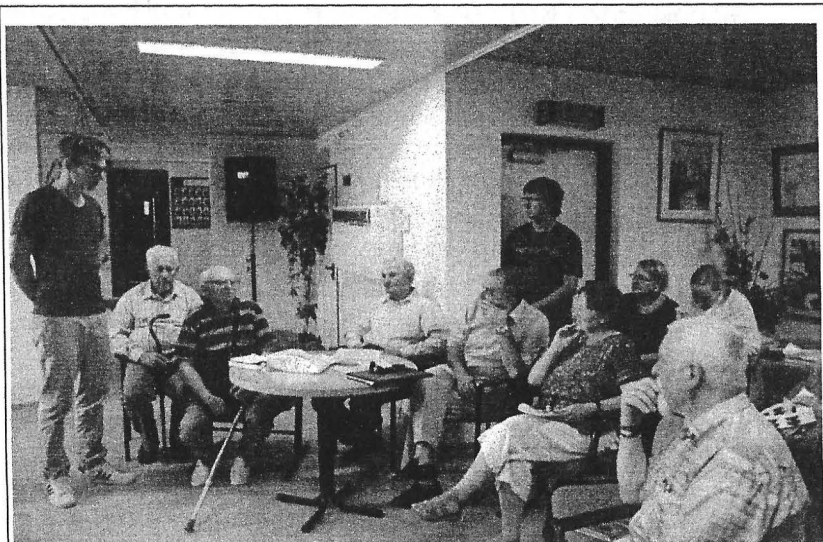
Добровольцы этой организации из Мюнхена, Гамбурга, Дортмунда, Авурберга, Лейбсдорфа, Тюрингена уже неоднократно бывали в Израиле.

И вот, очередная поездка в Израиль и визит в Афулу. Здесь гостей встречали со всеми надлежащими по такому случаю почестями. Актальный зал был украшен и переполнен жителями близлежащего района. И как только вошли члены делегации раздались аплодисменты. Последовательно прозвучали гимны Германии и Израиля.

Во вступительном слове председатель городской организации Ассоциации Михаил Найдер тепло приветствовал присутствующих и особо отметил тот факт, что гости с уважением и симпатией относятся к государству Израиль и еврейскому народу. «То, что с нами сотворила нацистская Германия, — сказал он, — невозможно понять и объяснить, а тем более забыть и простить. Сейчас Германия и немецкий народ осознали свою вину за Катастрофу еврейского народа и всячески стараются искупить вину своих предков. Они поддерживают государство

Израиль и помогают людям, выжившим в Катастрофе. Мы с пониманием и благодарностью воспринимаем эту поддержку. Надо с надеждой глядеть в будущее, в котором наши народы должны жить в мире и дружбе».

Вместе с активистами филиала Михаил Найдер вручил гостям сувениры – символы Еврейского народа, Израиля и его столицы Иерусалима. Затем звучали трогательные, щемящие сердце рассказы бывших узников нацизма: Марии Гринфельд, Ильи Когана, Берко Сигмана.

С членами немецкой делегации в Афуле.

Сила духа и выносливость помогли выстоять в бесчеловечных условиях в гетто Михаилу Найдеру, Соломону Кракопольскому, Мойше Цейхтику и другим членам афульской организации. В заключение своих выступлений бывшие узники нацизма просили гостей запомнить их рассказы, придать им гласности в своей стране. Жестокость и жертвы, боль и страдания тысяч ни в чём не повинных людей не должны быть забыты.

ПОДАРЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ

Международный культурно-просветительный центр «Бейт Сар Шалом» уже много лет оказывает большую материальную и психологическую помощь людям, пережившим Катастрофу. Ещё одно свидетельство этому — недавняя встреча еврейского Нового года, в котором приняла участие и большая делегация бывших узников нацизма, живущих сегодня в Афуле.

Максим Катц
приветствует
узников нацизма.

Трогательным было выступление одного из руководителей «Бейт Сар Шалом» Максима Катца. Ссылаясь на писания в священных книгах, он говорил о прощении и надежде, которая живёт в каждом, согревая и давая возможность достойно идти по жизни.

В подготовке и проведении праздника Рош-а-Шана приняла участие группа волонтеров, прибывшая из разных стран. Одна девушка из Перми даже выучила иврит, чтобы быть полезной для организации, другая — из Винницы, овладела фотомастерством, с целью создать свою летопись о зверствах нацистов на оккупированной территории. Главными её героями станут члены Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто».

Можно сказать, что праздничная встреча для многих стала жизненным воплощением надежды, о которой говорил в своём приветствии председатель «Бейт Сар Шалом» Михаил Цинн, поскольку проходила в великолепном зале торжеств под названием «Мечта» («Nessia»), куда люди приезжают, чтобы отметить самые важные события своей жизни.

Поздравления с Рош-а-Шана и концерт присутствующим подарили солисты иерусалимской школы искусств «Юваль» и давнишние друзья Ассоциации – музыканты Юлия и Шауль Бен-Хар.

В завершении к собравшимся обратилась председатель Всеизраильской организации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» Гита Койфман. Она поблагодарила спон -

На фото: теплые слова благодарности руководителям международного культурно-просветительного центра «Бейт Сар Шалом» от имени бывших узников нацизма говорит председатель Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» Гита Койфман.

соров, подарившим бывшим узникам нацизма такой замечательный праздник, и произнесла древнюю молитву, которую евреи читали на Рош-ха-Шана. Это прозвучало так трогательно и проникновенно, что весь огромный зал встал в едином порыве.

«САБРА» ПРИХОДИТ НА ПОМОЩЬ

У бывших узников нацизма в Афуле много друзей. Забыть страшное прошлое им помогают сотрудники городского отдела абсорбции, добровольцы общественных организаций, студенты и школьники. Но чаще других интересуются, как живут и в чём нуждаются, выжившие в Катастрофе люди, представители международной организации «Сабра».

Моти Климер

Немного об этой организации. Она была основана в 2001 году жителем Афулы Моти Климером. Благодаря его энергии и установленным дружеским связям со многими предпринимателями и благотворительными фондами, «Сабра» имеет возможность проводить многостороннюю помощь и заботу о социально слабой части населения Афулы, среди которых и бывшие узники концлагерей и гетто.

— Моти Климер, — рассказывает председатель городского отделения Всеизраильской Ассоциации бывших узников нацизма Михаил Найдер, — проявляет особо уважительное отношение к выжившим в Холокосте. Он неоднократно встречался с членами нашей организации. Ему понятны их личные проблемы и перенесённые страдания в годы фашистской оккупации, боль за гибель родных и близких, которая не проходит с годами. Он очень переживает, видя, как с каждым годом всё меньше остаётся свидетелей Катастрофы. Именно поэтому, он постоянно интересуется нашими проблемами, способствует их положительному решению. С его помощью мы организовываем праздники, проводим коллективные дни рождения, выезжаем на экскурсии в другие города страны. И все это делается от всего сердца.

В канун еврейских осенних праздников, Моти Климер пригласил к себе активистов городской организации бывших узников нацизма.

Голландцы во время встречи у Моти Климера.

На этой встрече присутствовали – представители организации «Друзья Израиля» из Голландии и члены правления Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» Роман Брамник, Наум Керпилевич, Борис Бурле.

Ольга Краснова

Состоялась интересная беседа, во время которой были затронуты темы сохранения памяти трагедии Европейского еврейства, борьбы на современном этапе с проявлениями антисемитизма и антиизраилизма. В своих выступлениях друзья из Голландии однозначно заявили о полной поддержке нашей страны в борьбе с эскалацией террора.

Гости с интересом осмотрели фотовыставку, смонтированную в самой большой комнате офисного здания. Экскурсоводом была администратор фирмы «Сабра»

Ольга Краснова, уже давно работающая в амуте. Не удивительно, что она всё знает о жизни и деятельности организации бывших узников нацизма, постоянно с ними на связи и способствует помощи им.

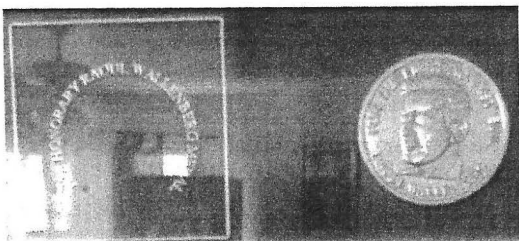
Ольга Краснова интересно представила экспозиции своеобразной выставки, рассказала о жизни создателя и руководителя «Сабры» – бывшего студента, военного, офицера Армии Обороны Израиля.

Рядом с боевыми есть на стендах и награды за работу на ниве педагогики и общественной деятельности. Оказывается, бывший офицер, а затем директор школы Моти Климер, успел поработать ещё в израильских представительствах в России. Его хорошо знают в Новоси-

бирске, где он и сейчас бывает.

На стене одной из комнат красуется диплом и медаль Рауля Валленберга, полученная несколько лет

назад от международной организации, носящей его имя.

На одном из фото зафиксировано торжественное вручение Моти Климеру награды Армии Обороны Израиля. А в день встречи с бывшими узниками нацизма у него еще на одну награду стало больше. Под аплодисменты присутствующих, ему был вручен диплом Почётного члена Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто». Звучали слова: «Спасибо, Моти, за дружбу и помощь!»

СПАСИБО ТЕБЕ, МАМА!

4 марта 2014 года в актовом зале Мемориального комплекса музея Яд Ва-Шем бывшие узники нацизма отмечали семидесятилетие освобождения из фашистских гетто и концлагерей на территории Транснистрии.

На этой встрече были объявлены результаты конкурса рассказов «Вспомним о наших дорогих мамах», проводимым Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто». Среди отмеченных наградой были афульчане Мойше Цехтик (на фото справа), Саломон Кракопольский и Илья Коган.

ЧУДОМ УЦЕЛЕВШИЕ

В Афуле сегодня живут около 100 бывших узников гетто и концлагерей, созданных во время войны гитлеровской Германией на территории оккупированных ими стран. Как известно, евреи были приговорены нацистским планом «окончательного решения еврейского вопроса» на полное уничтожение. Уцелеть удалось лишь части обреченных на смерть.

- Бывшие узники нацизма, – рассказал председатель городской организации Михаил Найдер, – проживающие в Афуле, входят в состав Всеизраильской Ассоциации

«Уцелевшие в концлагерях и гетто». Большая часть из них томила в нацистских лагерях смерти на территории Винницкой области.

Благодаря стремительному наступлению Советской Армии, оставшиеся в живых узники в этом регионе были спасены. Многие из них приняли участие во встрече, посвященной Дню Катастрофы...

Вместе с бывшими узниками вспомнить трагические годы, поклонится памяти погибших от рук нацистских карателей пришли и члены их семей, представители других общественных организаций города. Зал был полон.

Собравшихся тепло приветствовала, участвующая в этой встрече, председатель Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» Гита Койфман.

РАССКАЗАТЬ ПРАВДУ

Из выступления Соломона Кракопольского (Афула) на конференции Международного Союза евреев – бывших узников фашизма из России, Украины, Беларуси, Израиля, Германии и США (МСЕБУФ), состоявшегося в Иерусалиме в феврале 2011 года.

Соломон
Кракопольский

– Некоторые утверждают: нацисты не уничтожали евреев, и никакой Катастрофы никогда не было. Это большая ложь. Гебельс утверждал, чем больше ложь, тем легче в неё верят. Накануне войны Юлиус Фучек призывал: «Люди, я любил вас. Будьте бдительны!». Тогда никто не прислушался к его призыву, ложь победила правду, и фашизм не был остановлен. Сейчас повторяется такая же большая ложь.

В нашем Жмеринском гетто (румынская зона оккупации) спасались евреи, бежавшие от расстрела из немецкой зоны. Помню случай, когда не удалось спасти евреев из местечка Браилов. По требованию немцев под угрозой расстрела всех евреев гетто беглецы были выданы немцам.

Колону из 150 человек - детей, стариков и женщин погнали на расстрел по улице Урицкого мимо нашего дома №21. Крики несчастных до сих пор в моей памяти...

Очень важно, чтобы мы, оставшиеся в живых свидетели Катастрофы, содействовали победе правды над ложью. Цель нашей деятельности: рассказать правду.

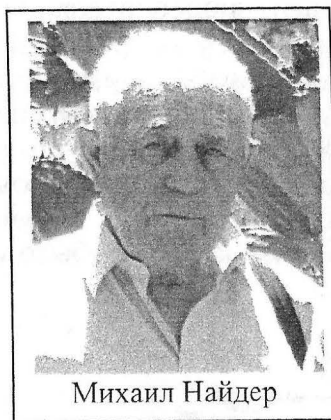

У ПАМЯТНИКА СОЛДАТАМ

Экскурсия к новому мемориалу, построенному в Нетани, в честь воинов-победителей во Второй мировой войне, членам Афульской организации бывших узников нацизма Всеизраильской Ассоциации «Уцелевшие в концлагерях и гетто» запомнится надолго. Основной мотивацией поездки было желание почтить память погибших бойцов Красной армии, внесшей решающий вклад в победу над фашизмом.

Открытие памятника воинам Красной армии стало важным событием для нашей страны. Ведь создание еврейского государства неразрывно связано с трагической историей еврейского народа в годы Второй мировой войны. Известно, что в рядах Красной Армии воевало более 500 тысяч евреев, 167 тысяч из них были офицерами. В боях погибло более 200 тысяч еврейских солдат и офицеров. И трудно найти семью, которую миновала «похоронка» и трагедия гибели родных и близких, гибели единственных кормильцев в семье.

— Для нас, — говорит Михаил Найдер, — бывших узников гетто и концлагерей, быстрое наступление Красной Армии в марте 1944 года оказалось спасением от тотального уничтожения всех оставшихся живых в румынской зоне оккупации (Транснистрии), планируемого нацистами...

Михаил Найдер

Памятник российским солдатам установлен неподалёку от Мемориала павшим в израильско-арабских войнах. И это не случайно. Создание и защита нашего государства неразрывно связаны с историей еврейского народа, победой над нацизмом в годы Второй мировой войны.

Поражают два больших белых ангельских крыла, распростёртых над мемориалом. Они символизируют Победу Красной армии, которая разбила чёрные катакомбы нацизма.

Афульчане – члены Всеизраильской Ассоциации
«Уцелевшие в концлагерях и гетто»
у памятника воинам Красной армии в Нетании.

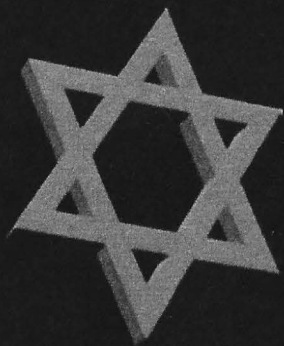
После завершения экскурсии её участники выразили благодарность спонсору поездки председателю амуты «Сабра» Моти Климеру и инициатору – председателю городской организации бывших узников нацизма Михаилу Найдеру. Минутой молчания афульчане почтили память погибших солдат Красной Армии, и всех, кто умер от голода и болезней, всех кто был расстрелян и сожжён нацистами и их пособниками, всех, кто был замучен в гетто и концлагерях. Ничто не должно быть забыто и никто не должен быть забыт.

СОДЕРЖАНИЕ

Искренне, трогательно, убедительно!	3
Аденберг Лидия	5
Аденберг Семён	6
Альтмарк Бэла	7
Барко Сигман	8
Бейдер Люся	9
Бейзер Галина	9
Беккер Доня	10
Боринбойм Ида	11
Вайс Сара	12
Вайсман Женя	13
Гаусман Роза	14
Гец Лотя	15
Гринфельд Мария	16
Гросс Хушия	17
Зорен Мириям	17
Журницкая Раиса	18
Журницкий Алексей	19
Зисер Лиза	20
Капилевич Соломон	21
Кац Борис	22
Коган Илья	23
Кофман Клара	24
Кракопольский Соломон	25
Ламанов Анатолий	26
Лурье Мойше	27

Миллер Рива	29
Мур Абрам	29
Найдер Михаил	30
Нудлер Полина	32
Пекерман Леонид	33
Песина Любовь	33
Ройтбург Фрида	34
Ройтман Доня	34
Ройтман Пётр	35
Рувинштейн Борис	35
Соболь Шулим	37
Спектор Сара	38
Ткачман Александр	38
Файнгерц Моисей	39
Фельдман Таня	39
Фирер Нахум	40
Форштат Владимир	40
Цехтик Мойше	41
Шмуленсон Ева	42
Забота и внимание	44
Жить в мире и дружбе	47
Подаренные праздники	49
«Сабра» приходит на помощь	51
Спасибо тебе, мама!	54
Чудом спасённые	55
Рассказать правду	56
У памятника солдатам	57

«ВОЙНА. ХОЛОКОСТ. ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Издательский проект

Всеизраильской Ассоциации

«Уцелевшие в концлагерях и гетто».